

жимъ зудомъ писательства и не отходить отъ письменнаго стола. Одинъ изъ его портретовъ работы Рѣпина изображаетъ его, окруженнаго косами и граблями, какъ онъ сидитъ въ неловкой позѣ на табуретѣ, въ своемъ тулупѣ, у стола—и передъ нимъ два серебряныхъ подсвѣчника. Послѣ обѣда, говоритъ дѣвица Серонъ, онъ прохаживается по лѣсу съ топорикомъ. И она сама, аматерка Толстовства, описываетъ съ улыбкой, какъ онъ возвращается съ прогулки по полямъ, довольный, принося съ собой навозный запахъ.—«Я помираю, говоритъ, со смѣху, на него глядя».—И еще,—не взирая на свои убѣжденія, не чуждается онъ и велосипеда, и даже присоединяется къ молодежи въ презрѣнной и безнравственной игрѣ въ лаунъ-теннисъ.

Вообще, нарадоваться можно на эту мирную картину—какъ хозяинъ Ясной Поляны по человѣчески живетъ у себя въ большомъ домѣ, въ своемъ тулупѣ, съ графиней, занимаясь игрою въ Толстовство.

Похоже на идиллію, когда смотришь на подлиннаго Толстого. Но идиллія исчезаетъ, когда является лже-Толстой, сочинитель книгъ. Въ своей книгѣ «царство Божіе внутри васъ есть» онъ выводитъ куріозную теорему «Параллелограмма нравственныхъ силъ», усиливаясь